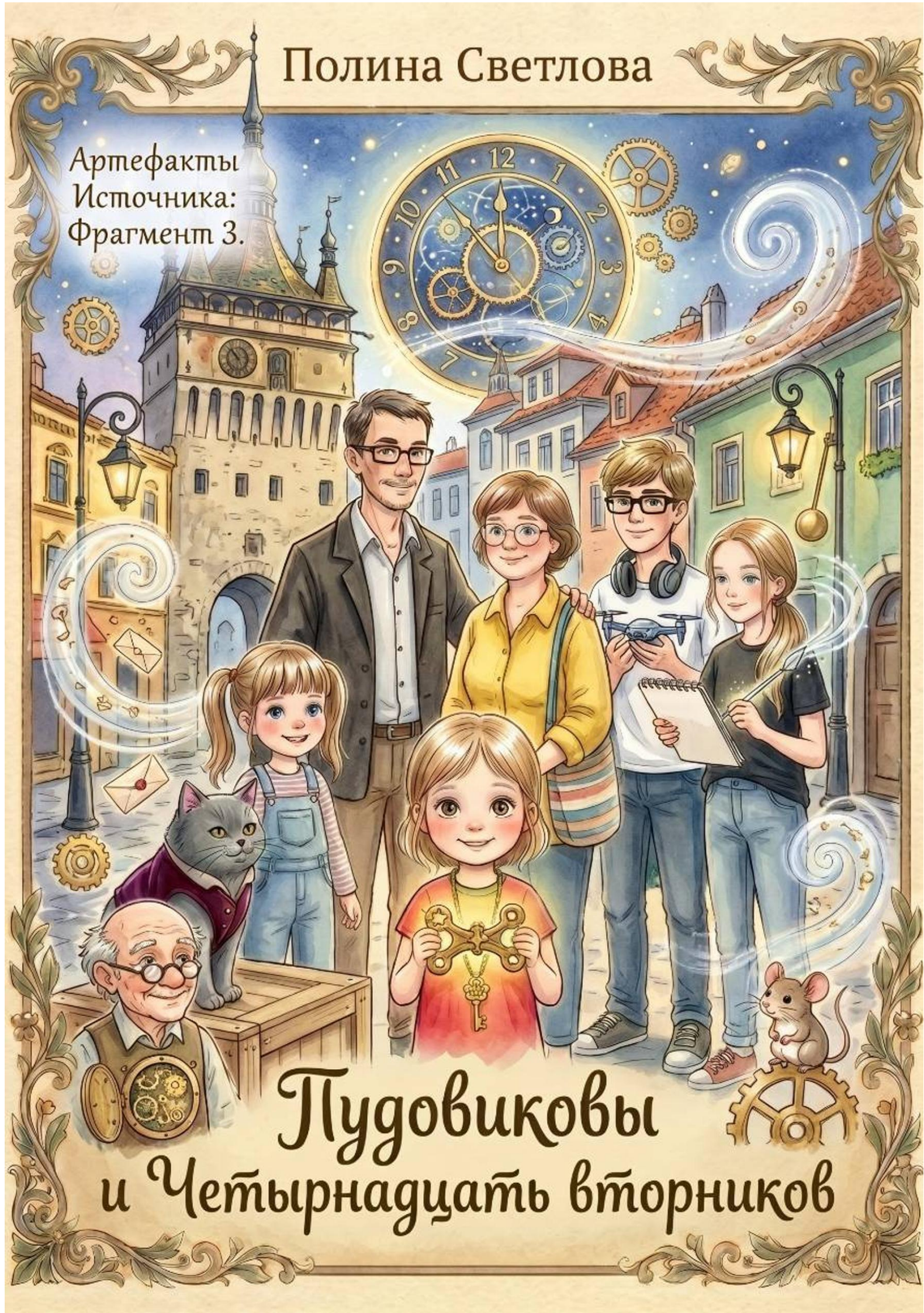

Полина Светлова

Артефакты
Источника:
Фрагмент 3.

Пудовиковы
и Четырнадцать вторников

Полина Светлова

Пудовиковы и 14 вторников

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и 14 вторников / П. Светлова — «Автор», 2026

Тихий культурный отдых — никакой магии, только рыцари, колбаски и старинная башня. Так думали Пудовиковы, отправляясь на средневековый фестиваль в Сигишоару. Но когда часы бьют полдень, что-то щёлкает в глубине векового механизма — и время в городе замирает. Навсегда. Четырнадцать раз подряд наступает один и тот же вторник: тот же рыцарь роняет булаву, тот же жонглёр — мячики, та же певица срывается на той же ноте. Город повторяет себя, как заевшая пластинка, и только семья Пудовиковых замечает подвох. Потому что похожие дни память не считает. А в Часовой башне, за циферблатом, что-то плачет и тихо вздыхает: «Опять вторник...» Папе Максиму, мастеру на все руки, предстоит заглянуть в сердце шестисотлетнего механизма. Маме Вале — собрать волю в кулак. Коту Барнаби — вскрыть замок отмычкой. А Марусе с её золотым ключиком — услышать то, чего не слышит никто. Смогут ли они разорвать петлю времени — или станут её частью?

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Четырнадцать вторников	6
Глава вторая. Город за циферблатом	9
Глава третья. Диагноз: усталость металла и душ	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Полина Светлова

Пудовиковы и 14 вторников

Приключения семьи Пудовиковых

* * *

Глава первая. Четырнадцать вторников

Четырнадцать вторников

Семья Пудовиковых приехала в Сигишоару во вторник — на средневековый фестиваль: рыцари, флейты, жареные колбаски и главная достопримечательность, старинная Часовая башня, которой исполнилось без малого шестьсот лет.

— Тихий культурный отдых, — объявила мама Валя, изучая свой график. — Никакой магии. Учим историю, едим колбаски, в восемь вечера — спать.

— Поддерживаю, — сказал папа Максим. — У меня, так сказать, культурная программа: башня, механизм, шестерни. Я о таком с детства мечтал.

Мечта сбылась в тот же день. Семья купила билеты, поднялась по деревянной лестнице башни, и папа Максим замер перед старинным механизмом: огромные латунные колёса, гири на цепях, молот, бьющий в колокол.

— Красота, — прошептал папа. — Чистая механика. Никакой электроники — шестьсот лет честной работы.

— Пап, а почему у него циферблат с двух сторон? — спросила Люба.

— Традиция, — сказал папа. — Внутри башни, говорят, целая комната за циферблатом. Раньше там жил часовой мастер.

Часы пробили полдень. Двенадцать ударов — густых, медных, на весь город.

На двенадцатом ударе что-то щёлкнуло. Не в механизме — глубже. Как будто щёлкнул переключатель, о существовании которого никто не знал.

— ...и вот тогда рыцарь роняет булаву! — донеслось снизу.

Семья спустилась с башни. На площади рыцарь в жестяных доспехах ронял булаву. Жонглёр ронял три мячика. Мальчик с компотом ронял компот. Всё как всегда на фестивалях.

— Пойдём за колбасками? — предложила мама Валя.

Они съели колбаски. Погуляли по крепостной стене. В восемь вечера легли спать.

А дальше пошли дни — праздничные, сытые, похожие друг на друга, как ложки в столовом наборе: утром рыцари, днём колбаски, вечером флейты. Фестиваль есть фестиваль, программа есть программа. Семья Пудовиковых исправно учила историю и не замечала ничего неправильного — ровно до того утра, когда Люба, посмотрев в окно гостиницы, сказала:

— Ой. Смотри, рыцарь опять роняет булаву.

— Фестиваль же, — сказала Настя. — У них программа.

— Нет, — медленно сказала Люба. — Он роняет её так же. Совсем так же. И жонглёр — те же три мячика. И мальчик... уронил тот же компот. В ту же лужу.

— Совпадение, — сказал папа Максим. — Статистически допустимое.

Но к обеду «статистически допустимое» случилось снова: та же уличная певица пела ту же песню, споткнулась на той же ноте и сказала то же самое: «Ой, простите, горло пересохло». Мама Валя, у которой за годы семейных путешествий выработалось чутьё на неправильное, незаметно достала свой блокнот в клеточку — и медленно пролистала его, с самого первого дня отпуска.

Вечером она положила блокнот на стол.

— Дорогие мои. Я сверилась с записями. Мы в Сигишоаре две недели. Четырнадцать «сегодня» — и все четырнадцать вторник.

— Ну да, — сказал Миша. — Мы приехали во вторник.

— В том-то и дело, — сказала мама Валя. — Мы приехали во вторник — и с тех пор из него не вышли. Я спросила у хозяйки гостиницы, какой сегодня день. Она сказала: вторник. Я спросила, не помнит ли она, был ли вчера вторник. Она посмотрела на меня как на сумасшедшую и сказала: «Вчера? А что было вчера?»

— А мы-то почему не заметили? — нахмурилась Настя. — Мы же жили эти две недели. Завтракали, гуляли, спорили...

— Потому что дни были похожи, — медленно сказала мама Валя. — А похожее память не считает. Мы, дорогие мои, сами прожили их не глядя. Вот что страшнее всего.

В комнате стало очень тихо.

— Тринадцать, — раздалось с подоконника голосом Барнаби.

Все обернулись. Кот сидел на подоконнике, умывался и делал вид, что разговор его не касается.

— Что — тринадцать? — спросил Миша.

— Вторников, — сказал Барнаби, не переставая умываться. — Сегодня пошёл четырнадцатый. Я считал. Из профессионального интереса: у них тут рыба на рынке четырнадцать раз одинаково несвежая. Я такого позора для туризма не потерплю. Маяу.

— Ты хочешь сказать, — очень спокойно произнёс папа Максим, — что мы застряли во времени.

— Не мы, — сказал Барнаби. — Город. Вы просто заметили. Люди, между прочим, замечают в последнюю очередь. Я заметил на третьем вторнике. На седьмом перестал удивляться. На двенадцатом начал уважать: столько раз повторить вторник — это, знаете ли, мастерство.

Маруся всё это время молча стояла у окна. Золотой ключик в её руке гудел — тревожно, прерывисто, как гудит сигнал, который очень хотят передать, но не могут.

— Это не город виноват, — сказала Маруся. — Это часы. Я слышу. Там, в башне, что-то плачет. Как будто большое и железное очень устало держать то, что держит.

— Часы, — повторил папа Максим и начал надевать ботинки. Быстро, решительно, без единого «так сказать». — Дети. Мама. Я всю жизнь чинил механизмы. И если в этом городе сломался механизм времени — я, кажется, знаю, с чего начать осмотр.

Ночью, когда весь город спал (четырнадцатый раз подряд), семья с фонариками пробралась к Часовой башне. Дверь была заперта — но Барнаби, хранитель всех ключей, только хмыкнул, извлёк из-за уха медную отмычку и открыл замок за четыре секунды.

— Профессионал, — уважительно сказал Миша.

Внутри, за лестницей, семья поднялась к механизму. Папа Максим посветил фонарём на огромное латунное колесо — и остановился.

Колесо дрожало. Еле заметно, как дрожит уставшая рука. А за колесом, в глубине механизма, виднелась дверца, которой не было ни на одном чертеже: маленькая, круглая, со скважиной в форме звезды.

Из-за дверцы доносилось тиканье. Неровное. Сбивающееся. И — семья потом клялась в этом единогласно — тихий старческий вздох:

— Опять вторник...

Дверца открылась сама. Из неё лился тёплый свет, пахнувший машинным маслом, корицей и старой латунью.

— Ну что ж, — сказала мама Валя, поправляя термос в сумке. — День четырнадцатый. Точнее, вторник четырнадцатый. Дорогие мои, кажется, наш тихий культурный отдых снова открыл филиал.

И семья шагнула внутрь часов.

Глава вторая. Город за циферблатом

Город за циферблатом

За круглой дверцей была не комната. За круглой дверцей был город.

Он лежал внутри горы, на которой стояла башня, — огромный, тёплый, освещённый сотнями ламп-маятников, качавшихся в такт общему тиканью. Улицы здесь мостили шестерёнками — большими и маленькими, в рост человека и с ноготь; дома строили в форме часовых корпусов, с дверцами-крышками и окошками-циферблатами; вместо водосточных труб по стенам сбегали медные цепочки, а над крышами плыли, покачиваясь, громадные спокойные колёса — главные передачи города.

Всё это тикало. Не громко — уютно. Так тикает в доме, где живёт старый добрый механизм.

— Город Часовщиков, — прошептала Настя. — Ребята, это же Город Часовщиков. Про него в путеводителе ни слова!

— В путеводителе, — раздался скрипучий голос, — много о чём ни слова. И слава пружине. Иначе бы тут толпы ходили, а толпы сбивают ход.

Голос шёл от фонарного столба. Вернее, из-под фонарного столба выходил старичок — маленький, сухой, в жилетке с множеством кармашков, из которых торчали отвёртки, лупы и крошечные ключики. Лицо у старичка было обыкновенное, доброе, в морщинках. Но в груди его, под расстёгнутой жилеткой, виднелась круглая латунная крышечка — и за крышечкой, в тёплом свете, медленно и важно поворачивались шестерёнки.

Старичок был сделан из латуни и доброты — примерно поровну.

— Хранитель Времени, — представился он и поклонился. — Можно просто — дедушка Тик. Дети зовут меня так уже... — он запнулся, — ...впрочем, неважно, сколько. А вы, стало быть, снаружи?

— Снаружи, — сказала мама Валя. — Отдыхаем. И вот, заметили, что у вас вторник повторяется.

Дедушка Тик тяжело вздохнул. Шестерёнки в его груди вздохнули вместе с ним.

— Заметили, значит. Ну, пойдёмте. Чаю выпьем, я вам всё расскажу. Рассказывать мне теперь некому: город-то не помнит ничего. Они живут вторник, просыпаются — снова вторник. Только вы и помните. И кот ваш.

— Коты вообще вне расписания, — подтвердил Барнаби.

Дом Хранителя стоял в центре города — в форме больших напольных часов, с маятником вместо крыльца. За чаем (чай был с корицей, а чашки тикали, если их долго не брали в руки) дедушка Тик рассказал всё.

— Наш город, молодые люди, держит время. Не ваше, наружное, — наружное само течёт, ему не привыкать. А здешнее, горное. У нас в центре стоит Главная Пружина Времени. Каждое утро её заводят особым ключом — Заводным Ключом, он у нас один-единственный, ещё основателя города. Завели — и время идёт ровно: дни сменяются, часы не спешат, вторники уступают место средам.

— А теперь? — спросил папа Максим.

— А теперь пружина расшаталась, — сказал дедушка Тик. — И не сломалась — нет. Устала. Видите ли, наша пружина держится не на металле. Металл — это форма. Держится она на моментах. На тех самых моментах, которые стоят того, чтобы их прожили. Когда горожане живут с душой — замечают друг друга, радуются, благодарят, — пружина натягивается сама, завод почти не нужен. А когда живут по привычке, не глядя... — старичок развёл руками. — Пружина слабеет. Сто лет слабела. Я предупреждал Совет. Совет сказал: «Дедушка Тик, у нас всё по расписанию, какое ещё «не глядя»?»

— А ключ? — спросила Люба. — Вы сказали, ключ один-единственный. Где он?

Дедушка Тик посмотрел в чашку, будто надеялся там его увидеть.

— Упал. Сто лет назад. Я нёс его через площадь после большой смазки, споткнулся о кошку... — Барнаби на подоконнике возмущённо фыркнул. — ...и ключ упал в фонтан. Я полез искать — не нашёл. Фонтан у нас глубокий, вода тёмная. С тех пор заводим аварийным рычагом. Рычаг — он грубый, он пружину тянет силой, а сила её, как оказалось, не лечит. Рычаг вытягивает день — и то в последние недели уже через пень-колоду: вторники и повторяются, дождь у нас идёт вверх по утрам, а старики каждое утро молодеют на час.

— Стоп, — сказал Миша. — Дождь идёт вверх?

— По утрам, — кивнул дедушка Тик. — Дети в восторге, ловят капли сачками. Взрослые в ужасе. А старики... старики молча радуются, но мне-то видно: ещё месяц такого завода — и поползут младенцами. Ход времени, молодые люди, это вам не шутки. Это основа. Основа шатается.

— А починить пружину можно? — спросила Настя.

— Починить — нельзя. Её надо заново натянуть. По-настоящему. Заводным Ключом, — сказал Хранитель. — Только ключа нет. И... — он замялся, и шестерёнки в его груди виновато притихли, — ...и я вам должен сказать ещё одну вещь. Даже если бы ключ нашёлся, я не уверен, что у меня получится. Пружина устала от меня тоже. Сто лет я дёргал её рычагом, сто лет не слышал, что она мне говорит. А она говорит. Я знаю. Просто я, как ваш город снаружи, — разучился слушать.

В доме стало тихо. Только маятник на крыльце качался: тик-так, тик-так.

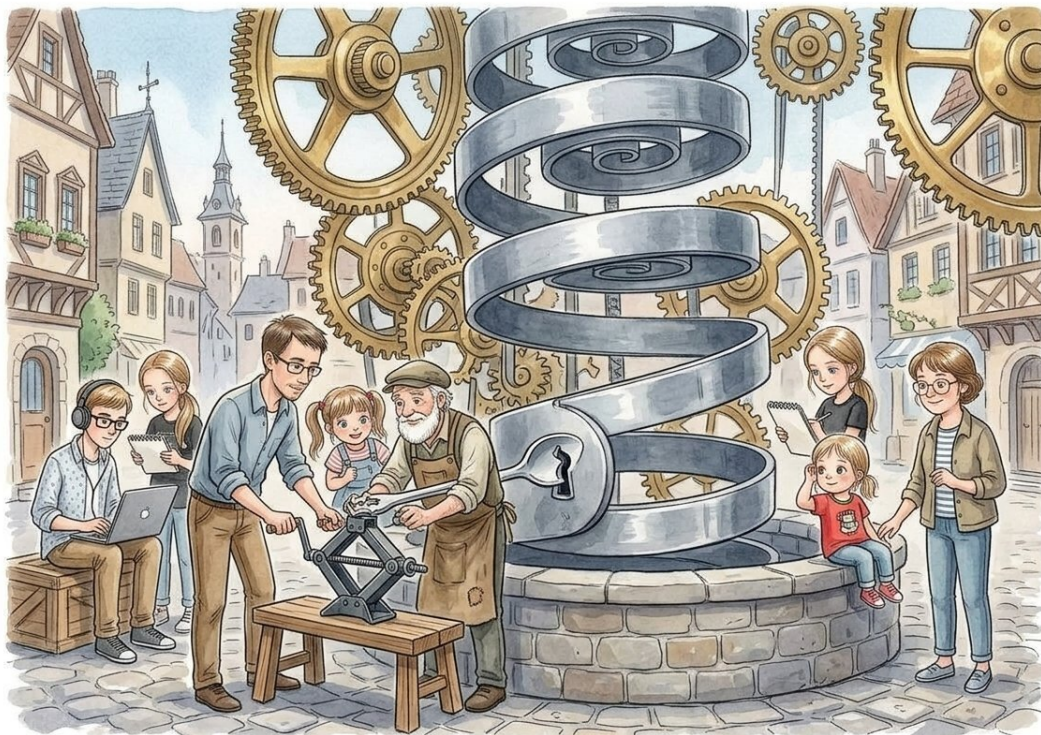
Маруся слезла со стула, подошла к дедушке Тику и положила ладошку ему на грудь — туда, где за латунной крышечкой ворочались шестерёнки. Ключик в её второй руке гудел — ровно, тепло, как будто здоровался со старым коллегой.

— Ты не разучился, — сказала Маруся. — Ты просто очень устал держать всё один. Это разные вещи. Мы тебе поможем. Правда, пап?

Папа Максим уже закатывал рукава.

— Правда, — сказал он. — Дедушка Тик, ведите к пружине. Так сказать... я всю жизнь мечтал посмотреть, из чего сделано время. А теперь, кажется, ещё и почию.

Глава третья. Диагноз: усталость металла и душ

Диагноз: усталость металла и душ

Главная Пружина Времени стояла в самом центре города, под открытым небом, в круглом каменном колодце, как сердце на ладони.

Она была огромна — высотой с трёхэтажный дом. Стальная лента, свитая в гигантскую спираль, уходила корнями в каменное ложе, а над спиралью, как над клумбой, нависали латунные колёса главной передачи. Пружина была красивая. И было видно невооружённым глазом, что она больна: витки сидели неровно, металл местами потускнел, а вся спираль вздрагивала с интервалом ровно в один день — каждое утро, когда рычаг дёргал её в очередной завод.

— Красавица, — тихо сказал папа Максим. — Так. Всем отойти. Я начинаю осмотр.

Осмотр папа вёл три часа. Он обошёл пружину с лупой, простучал витки деревянным молоточком (латунью по живому сплаву не стучат — это он знал и так), замерил люфты, проверил анкерный механизм, поговорил с каждым колесом передачи — в том смысле, что покрутил и послушал отзвук. Семья работала рядом: Миша записывал показания, Настя зарисовывала трещины, Люба лазила туда, куда взрослые не пролезали, а Маруся просто сидела у каменного колодца и слушала.

Дедушка Тик ходил за папой по пятам и всё больше молчал.

— Ну? — не выдержал он наконец.

— Диагноз, — сказал папа Максим, выпрямляясь и потирая поясницу, — следующий. Первое: классический отказ анкерного спуска. Вот здесь, видите? Зубья сточены. Спусковое колесо проскакивает, ход сбивается — отсюда ваши повторяющиеся дни. Это лечится, я видел,

как такие вещи чинят, и даже знаю кем. — Он покосился на Настю, и Настя похлопала по карману с серебряной кистью.

— Второе, — продолжал папа. — Усталость магического сплава. Металл, из которого сделана ваша пружина, мне незнаком: он тёплый на ощупь и, так сказать, отзывается на внимание. Но усталость в нём настоящая. И вот что странно... Миша, данные!

Миша развернул ноутбук:

— Замеры за сутки с небольшим — считай, со вчерашнего вечера. Смотри, пап: каждый раз, когда в городе происходит что-то хорошее — дети смеются на площади, кто-то кому-то помог, певица взяла высокую ноту и ей зааплодировали, — амплитуда дрожания пружины падает. Ненамного. На доли микрона. Но падает. А ночью, когда город спит по привычке, — растёт обратно.

Папа Максим кивнул и сказал то, ради чего, кажется, и прожил всю эту командировку:

— Вывод. Ваша пружина, дедушка Тик, натягивается не металлом. Она натягивается моментами. Момент, который человек прожил по-настоящему — заметил, обрадовался, поблагодарил, — даёт ей натяжение. Момент, прожитый впустую, по привычке, — отнимает. Вы сто лет заводили её рычагом, а надо было... — он развёл руками, — ...жить. Простите за инженерную прямоту.

Дедушка Тик долго молчал. Шестерёнки в его груди поворачивались медленно-медленно.

— Значит, я был прав, — сказал он наконец. — И Совет был неправ. И всё-таки, молодой человек: без Заводного Ключа моменты моментами, а зафиксировать натяжение нечем. Пружина будет соскальзывать. Мне нужен ключ. Или хотя бы его временная замена.

— Замена, — сказал папа Максим, — будет.

Он ушёл в сарай дедушки Тика и вышел оттуда через четыре часа. За это время город успел прожить: завтрак, один дождь снизу вверх (дети ловили капли, старики прятались), обед и ссору двух часовщиков на улице Кузнецов — но об этом позже.

Папа выкатил из сарая конструкцию и поставил её у колодца. Конструкция была прекрасна, как всё временное: автомобильный домкрат, станина из дубовой скамьи, рукоять, выточенная из черенка лопаты, а на конце — рабочая часть, откованная из двух предметов: крепкого стального стержня и серебряной сувенирной ложки с надписью «Сигишоара. На память». Ложка пошла на звездообразный шлиц — тот самый, под скважину в форме звезды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.